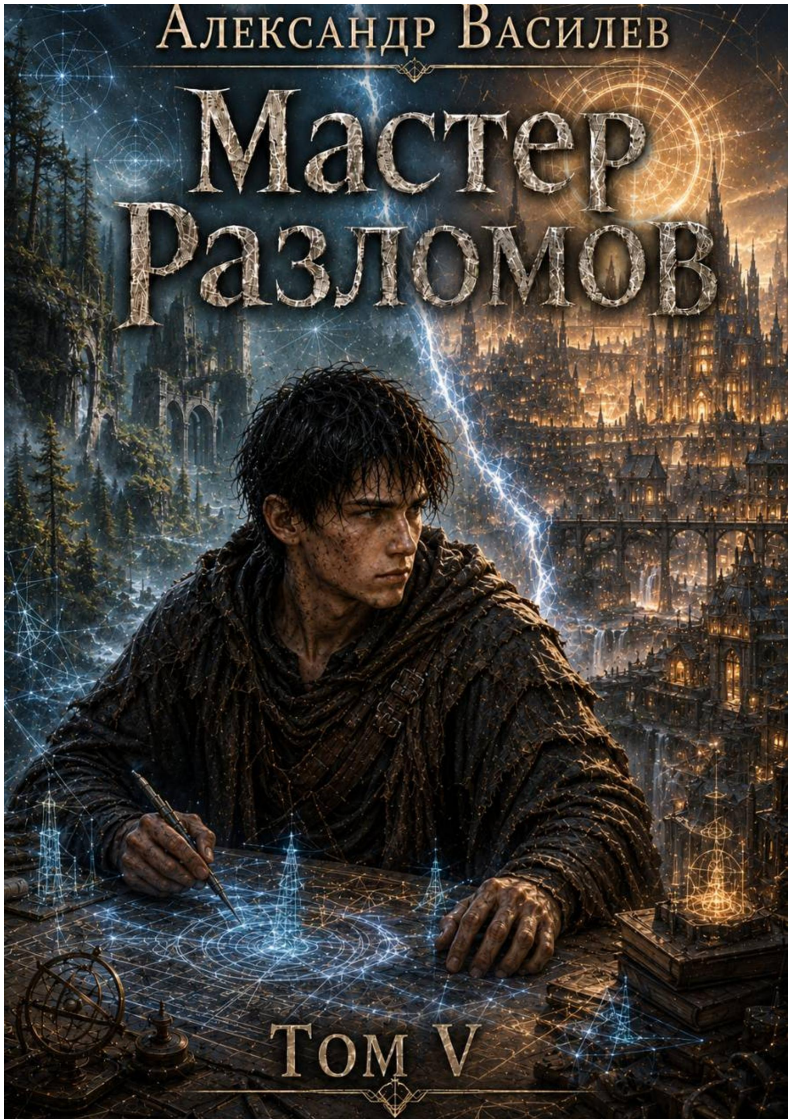

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЕВ

Мастер Разломов

ТОМ V

Александр Василев

Мастер Разломов. Том V

<https://litres.ru/74274328>

SelfPub; 2026

Аннотация

В классе Е опасность часто выглядит как опасность.

Трещина. Пятно. Холодный край. Зубастая тварь, которая считает тебя ужином, а себя — естественным порядком вещей.

В классе D опасность уже умеет прятаться.

В классе C она начинает спорить.

В классе B — учиться.

А здесь

Я смотрел на чистый, ровный, честный проход.

— Потому что в классе A, — сказал я медленно, — если всё выглядит безопасным, значит, место уже решило, как будет убивать.

Содержание

Глава 1. Дорога к герцогу	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Василев

Мастер Разломов. Том V

Название: Мастер Разломов Том V

Автор(-ы): Александр Василев

Ссылка: <https://author.today/work/585734>

Глава 1. Дорога к герцогу

Утро после Рубежной пришло слишком нормальным.
Это было подозрительно.

Каша варилась.

Лошади фыркали.

Солдаты ругались.

Повар орал на помощника так, будто именно помощник вчера пытался разорвать местность на три чужих правила и не предупредил кухню.

Мир делал вид, что ничего особенного не случилось.

Я ему не поверил.

Мир вообще любил делать вид.

Иногда — что он прочный.

Иногда — что справедливый.

Иногда — что если птицы снова кричат в лесу, а вода течёт вниз, то всё уже закончилось.

Нет.

Закончилось только то, что светилось, ломалось и пыталось нас убить прямо.

Остальное обычно начиналось потом.

У повозки стояли четыре коня.

Большая дорожная, крепкая, с широкими колёсами, усиленной осью и герцогским знаком на дверце. Не роскошная карета для прогулок. Рабочая повозка для северных дорог.

Такие делают не чтобы красиво подъехать к воротам, а чтобы доехать вообще.

Я посмотрел на переднюю ось.

Не хотел.

Но посмотрел.

Контур услужливо дрогнул.

[Объект: повозка]

Состояние: удовлетворительное.

Передняя ось:износ умеренный.

Риск отказа:низкий при нормальной нагрузке.

— Не начинай, — сказал я тихо.

Сенька тут же повернулся.

— Это ты кому?

— Себе.

— Хороший собеседник?

— Упрямый.

— Понимаю. У меня такой же.

Лиска проверяла ножи.

Очень медленно.

Слишком внимательно.

Она вытаскивала каждый, смотрела на лезвие, на рукоять, потом возвращала обратно. Не как человек, который готовится к дороге. Как человек, который не до конца уверен, что рука снова не решит всё сама.

— Не выпадут, — сказал Сенька.

— Кто?

— Ножи.

Лиска не подняла глаз.

— Я не этого боюсь.

Сенька помолчал.

— А чего?

Она наконец посмотрела на него.

— Что не выпадут.

Он закрыл рот.

Правильно.

Иногда Сенька умел вовремя почувствовать, где шутка дальше не идёт.

Гвоздь стоял рядом с повозкой и смотрел на собственные ладони.

После вчерашней борьбы солдаты обходили его с уважением, которое обычно дают медведю, кузнечной кувалде и начальству в плохом настроении.

Гвоздь этим не гордился.

Он вообще редко гордился тем, что могло кого-то сломать.

Он просто двигал пальцами.

Сжимал.

Разжимал.

Проверял.

— Болят? — спросил я.

— Нет.

— Тогда что?

Он подумал.

— Помнят.

— Руки?

— Да.

— Что именно?

Он нахмурился.

— Куда чужой вес пойдёт раньше, чем человек сам понял.

Сенька, услышав это, вздохнул.

— Всё. У нас теперь даже руки умнее меня.

— Были и раньше, — сказала Лиска.

— Ты сегодня особенно добра.

— Я берегу силы.

— Для чего?

— Для богатых.

Сила сидел на ящике у потухшего костра и смотрел на лагерь.

Не на повозку.

Не на нас.

На людей.

На тех, кто смеялся слишком громко после возвращения погибших.

На тех, кто смотрел в сторону Рубежной и сразу отворачивался.

На тех, кто трогал амулет под рубахой, думая, что никто не видит.

— Как они? — спросил я.

Сила не сразу ответил.

— Страхи закрылись.

— Все?

— Почти.

— Плохо?

— Нет. Если не открывать силой.

Он посмотрел на капитана, который шёл к нам от главной палатки.

— Но некоторые любят открывать всё, что закрыто.

— Это ты о ком?

— О тех, у кого печати.

Я не стал спорить.

Сила после Рубежной стал говорить меньше.

Но попадать точнее.

Мишка сидел в повозке у самого края и держал карту на коленях.

Не сворачивал.

Хотя я уже дважды сказал, что можно убрать.

Он кивнул.

И не убрал.

Карта показывала дорогу к герцогскому дому.

Северную дорогу, затем каменный тракт, потом холм, потом поместье Торнвальдов.

Слишком много линий вокруг дома.

Слишком много дверей.

Мне это не понравилось ещё до того, как Мишка сказал:

— Дом странный.

Сенька тут же оживился.

— Уже? Мы ещё не приехали.

— На карте много дверей.

— У богатых всегда много дверей. Им надо куда-то прятать совесть.

— Выходов мало, — сказал Мишка.

Сенька перестал улыбаться.

Лиска посмотрела на карту.

— Вот теперь похоже на богатых.

Дарен стоял у заднего колеса.

Не прислонился.

Просто был там, где меньше всего мешал и больше всего видел.

— Путь прямой, — сказал он.

— Хорошо? — спросил Сенька.

— Нет.

— Почему?

— Прямой путь обычно удобен тем, кто ждёт.

— А нас ждут?

Дарен посмотрел на дорогу.

— Да.

Горн вышел из палатки с лицом человека, который спал меньше, чем писал.

В руке у него была папка.

Плохо.

Папки после разломов — это почти всегда попытка заставить невозможное выглядеть прилично.

Элиана шла рядом.

В дорожном платье, простом плаще, волосы убраны. С виду — леди, возвращающаяся домой после неприятного, но законченного происшествия.

С виду.

Сила посмотрел на неё и тихо сказал:

— Она боится.

Элиана слышала.

Конечно слышала.

Не повернулась.

— Это невежливо обсуждать.

Сила кивнул.

— Да.

— И всё равно?

— Вы боитесь не разлома.

Она остановилась.

Я тоже.

Лиска прищурилась.

Сенька сделал вид, что срочно изучает ремень.

Сила сказал спокойно:

— Дома.

Элиана молчала.

Потом очень медленно выдохнула.

— Дома иногда страшнее.

— Знаю, — сказал Сила.

Она повернулась к нему.

— Откуда?

Он пожал плечом.

— В Нижних тоже есть дома.

Элиана не нашла, что ответить.

И это было хорошо.

Некоторые ответы должны оставаться короткими.

Капитан подошёл к повозке.

С ним был Михаил Кутарев и пятеро всадников.

Малкая группа.

Достаточно малая, чтобы не выглядеть конвоем.

Достаточно вооружённая, чтобы все поняли: случайность
здесь не предусмотрена.

Михаил держался прямо.

Слишком прямо.

После Рубежной он стал смотреть иначе.

Не мягче.

Нет.

Но внимательнее.

Раньше в его взгляде было место для презрения.

Теперь презрение упёрлось в факты и начало хромать.

Капитан поклонился Элиане.

Потом Горну.

Потом Михаилу.

Потом посмотрел на меня.

Не знал, надо ли кланяться.

Решил не рисковать.

Умный капитан.

— Повозка готова. Еда на дорогу внутри. Вода тоже. Сме-
на лошадей на второй заставе. До дома герцога при хорошей
дороге — к вечеру.

— А при плохой? — спросил Сенька.

Капитан посмотрел на него.

— После вчерашнего я не употребляю слово “плохой” без
уточнений.

— Разумно, — сказал я.

— Вернувшиеся люди размещены. Лекари осмотрели. Се-
рьёзных ран нет. Психических... — Он запнулся.

Сила тихо сказал:

— Не трогайте.

Капитан повернулся.

— Что?

— Не трогайте то, что закрыто.

— Вы о воспоминаниях?

— О том, что вместо них.

Капитан долго смотрел на Силу.

Потом на меня.

— Это совет?

— Пока, — сказал я.

— А если начнут вспоминать сами?

— Слушайте. Но не ведите.

— Почему?

— Потому что можно вытащить не память, а то, что осталось на её месте.

Капитан побледнел совсем чуть-чуть.

Но кивнул.

— Учёт продолжается, — сказал он уже Михаилу. — Северная группа вернулась полностью. Охотники с болотного края — тоже. Два дозора, которых считали потерянными, стоят у котлов и ругаются, что их еду кто-то съел.

— Что они помнят? — спросил Михаил.

— Путь. Задание. Лес. Ничего больше.

— Аномалии?

— Нет. Ручей течёт вниз. Дождь исчез. Ветер обычный. Птицы вернулись. Животные тоже начинают возвращаться.

Михаил молчал.

Потом спросил:

— Рубежная?

Капитан посмотрел в сторону заставы.

— Живёт.

Это был самый короткий и самый важный доклад.

Рубежная живёт.

Значит, мы не зря прошли через артельную.

Значит, люди вернулись.

Значит, ложь, которую придётся строить, будет стоять на настоящем фундаменте: результат есть.

А подробности...

Подробности иногда слишком взрывоопасны, чтобы носить их в карманах.

Михаил подошёл ко мне, когда остальные начали садиться в повозку.

Не слишком близко.

Но достаточно.

Лиска сразу заметила.

Гвоздь тоже.

Сила чуть повернул голову.

Дарен перестал быть фоном.

Хорошая бригада.

Даже когда я не просил.

— Капитан говорит, вы почти ничего не сделали, — сказал Михаил.

— Хороший капитан.

— Он говорит, кто-то чужой пришёл, закрыл разлом класса А и ушёл. А вы прятались и старались не умереть.

— Почти идеальная формулировка.

Михаил сжал челюсть.

— Вы смеётесь?

— Нет. Я ценю людей, которые умеют писать безопасные доклады.

— Я не верю.

— И правильно.

Он моргнул.

— Тогда зачем говорите?

— Потому что официальная правда не обязана нравиться тем, кто умеет думать.

— А настоящая?

— Настоящая обычно опаснее.

— Для кого?

— Для всех, кто хочет ею владеть.

Михаил посмотрел на повозку.

На Элиану.

Она сидела внутри, но смотрела в окно.

На нас.

Он увидел.

Конечно увидел.

— Леди Элиана изменилась после вас.

— После разломов.

— После вас.

— Если вам так удобнее злиться — не буду мешать.

Его рука чуть дрогнула у пояса.

Не к мечу.

Почти.

Сила тихо сказал за моей спиной:

— Не стоит.

Михаил повернулся к нему.

— Что?

— Вам не стоит сейчас решать, что это вызов.

— Вы читаете мысли?

— Нет.

Сила посмотрел на его руку.

— Страх.

Михаил побледнел от злости.

— Я не боюсь.

— Бойтесь, — сказал Сила спокойно. — Не за жизнь. За место, которое считали своим.

Тишина стала неприятной.

Очень.

Лиска медленно улыбнулась.

Не помогло.

Элиана вышла из повозки.

— Михаил.

Он резко повернулся.

— Леди?

— Мы едем?

Вопрос был простой.

Но в нём было достаточно порядка, чтобы Михаил отступил.

— Да.

Он поклонился.

Слишком правильно.

И ушёл к своему коню.

Сенька тихо сказал:

— Сила, ты умеешь делать разговоры короче.

— Плохо?

— Нет. Страшно полезно.

Сила пожал плечом.

— Я сказал, что было.

— Вот именно. Люди этого не любят.

Мы тронулись ближе к полудню.

Повозка скрипела нормально.

Колёса били по камням нормально.

Лошади фыркали нормально.

Дорога была грязная, неровная, с мокрыми колеями и корнями у обочины.

Прекрасная дорога.

Честная.

Ни разу не попыталась течь вверх, стареть пятнами или делать вид, что ведёт в сторону.

Я почти уважал её.

Внутри повозки было тесно.

Но после артельной любая теснота, где ничего не взрывается, воспринималась как роскошь.

Лиска сидела у окна.

Не откидывалась.

Смотрела наружу.

Нож лежал у неё на коленях, но она не держала его в руке.

Это была маленькая победа.

Или попытка.

Гвоздь сидел напротив, сцепив пальцы.

Старался не занимать слишком много места.

Безуспешно.

Сенька устроился рядом с Мишкой и делал вид, что ему удобно.

Дарен сидел ближе к двери.

Разумеется.

Сила — так, чтобы видеть всех и не быть в центре.

Элиана и Горн ехали с нами.

Официально — потому что так безопаснее.

На деле — потому что после Рубежной разделять узел было глупо.

Михаил ехал снаружи, справа от повозки.

Я чувствовал его присутствие даже без Контура.

Есть люди, которые своим молчанием умеют занимать место не хуже стены.

Сенька первым нарушил тишину.

— У меня вопрос.

— Нет, — сказала Лиска.

— Ты даже не знаешь какой.

— Поэтому и нет.

— А если важный?

— Тогда особенно нет.

Он всё равно повернулся ко мне.

— Макар, если в доме герцога будут нормально кормить, мы можем временно не ругаться с богатыми?

Лиска посмотрела на него.

— Ты продашь честь за ужин?

— Нет. В аренду. До завтрака.

Гвоздь сказал:

— Не продашь.

— Почему?

— Лиска не даст.

— Вот именно поэтому я и спрашиваю заранее.

Элиана неожиданно сказала:

— Кормить будут хорошо.

Сенька замер.

— Леди, вы сейчас сказали самую важную политическую информацию за день.

— Рада быть полезной.

Лиска хмыкнула.

— В хорошей еде больше ловушек, чем в плохой.

— Почему? — спросил Мишка.

— Плохую еду ешь и знаешь: тебя никто не любит. Всё честно. Хорошая еда заставляет думать, что ты кому-то нужен.

Я посмотрел на неё.

— А ты не любишь быть нужной?

— Я не люблю, когда нужность подают на чистой тарелке.

Сила тихо сказал:

— У тебя страх злится раньше тебя.

— Не заглядывай, — сказала Лиска.

— Я не заглядываю. Он громкий.

— Пусть заткнётся.

— Он не умеет.

— Научу.

Сенька поднял палец.

— Впервые жалею страх.

Элиана смотрела в окно.

Дорога шла через редкий лес, потом вдоль ручья, потом на каменный тракт.

Чем дальше мы уезжали от Рубежной, тем больше мир делал вид, что он обычный.

Я снова не верил.

Горн открыл свою папку.

Плохой знак подтвердился.

— Макар.

— Нет.

— Я ещё ничего не спросил.

— Вы открыли папку.

— Это не преступление.

— Пока.

Он устало посмотрел на меня.

— Мне нужно сформулировать доклад.

— Сочувствую.

— Это ваша вина.

— Что именно?

— Что доклад теперь невозможен.

— Наоборот. Возможен. Просто неправдив.

Горн поморщился.

— Вы всё упрощаете.

— Нет. Это вы усложняете ложь, чтобы она выглядела прилично.

Элиана тихо сказала:

— Макар.

— Что?

— Он старается нас защитить.

Я посмотрел на Горна.

Тот не отвёл глаз.

— Знаю.

Горн медленно выдохнул.

— Как назвать то, что произошло в артельной?

— Несчастный случай, который решил закончиться.

— Макар.

— Пишите: внешнее вмешательство разрушило активную структуру ядра.

— Это ложь.

— Это дым.

— Дым?

— Чтобы не увидели дверь.

Горн замолчал.

Слишком надолго.

Потом тихо сказал:

— Вы понимаете, что сказали?

— Да.

— Дверь.

— Да.

— Вы видите двери между мирами.

В повозке стало тихо.

Я посмотрел на него.

— Не двери.

— Тогда что?

— Следы от того, как их открывали.

— Это почти то же самое.

— Нет. Разница как между трещиной в стене и умением
строить дом.

Сенька тихо сказал:

— А я бы не жил в доме, который строили по трещине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.